

Charles
BAUDELAIRE
1821 – 1867

Шарль
БОДЛЕР

Цветы зла



Санкт-Петербург

Les fleurs du mal

*Au poète impeccable
au parfait magicien ès-langue française
à mon très cher et très vénéré
maître et ami*

*THÉOPHILE GAUTIER
avec les sentiments
de la plus profonde humilité
je dédie*

CES FLEURS MALADIVES

C. B.

Цветы зла

*Непогрешимому поэту,
Всесильному чародею французской литературы,
Моему дорогому и уважаемому учителю и другу*

ТЕОФИЛЮ ГОТЬЕ

*Как выражение полного преклонения
Посвящаю эти БОЛЕЗНЕННЫЕ ЦВЕТЫ.*

Ш. Б.

AU LECTEUR

La sottise, l'erreur, le péché, la lésine,
Occupent nos esprits et travaillent nos corps,
Et nous alimentons nos aimables remords,
Comme les mendiants nourrissent leur vermine.

Nos péchés sont têtus, nos repentirs sont lâches ;
Nous nous faisons payer grassement nos aveux,
Et nous rentrons gaiement dans le chemin bourbeux,
Croyant par de vils pleurs laver toutes nos taches.

Sur l'oreiller du mal c'est Satan Trismégiste
Qui berce longuement notre esprit enchanté,
Et le riche métal de notre volonté
Est tout vaporisé par ce savant chimiste.

C'est le Diable qui tient les fils qui nous remuent !
Aux objets répugnants nous trouvons des appas ;
Chaque jour vers l'Enfer nous descendons d'un pas,
Sans horreur, à travers des ténèbres qui puent.

Ainsi qu'un débauché pauvre qui baise et mange
Le sein martyrisé d'une antique catin,
Nous volons au passage un plaisir clandestin
Que nous pressons bien fort comme une vieille orange.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Безумье, скардность, и алчность, и разврат
И душу нам гнетут, и тело разъедают;
Нас угрызения, как пытка, улаживают,
Как насекомые, и жалят и язвят.

Упорен в нас порок, раскаянье — притворно;
За все сторицею себе воздать спеша,
Опять путем греха, смеясь, скользит душа,
Слезами трусости омыв свой путь позорный.

И Демон Трисмегист, баюкая мечту,
На мягком ложе зла наш разум усыпляет;
Он волю, золото души, испепеляет,
И, как столбы паров, бросает в пустоту;

Сам Дьявол нас влечет сетями преступления
И, смело шествуя среди зловонной тьмы,
Мы к Аду близимся, но даже в бездне мы
Без дрожи ужаса хватаем наслажденья;

Как грудь, поблекшую от грязных ласк, грызет
В вертепе нищенском иной гуляка праздный,
Мы новых сладостей и новой тайны грязной
Ища, сжимаем плоть, как перезрелый плод;

Serré, fourmillant, comme un million d'helminthes,
Dans nos cerveaux ribote un peuple de Démons,
Et, quand nous respirons, la Mort dans nos
Descend, fleuve invisible, avec de sourdes ^{poumons} plaintes.

Si le viol, le poison, le poignard, l'incendie,
N'ont pas encore brodé de leurs plaisants dessins
Le canevas banal de nos piteux destins,
C'est que notre âme, hélas ! n'est pas assez hardie.

Mais parmi les chacals, les panthères, les lices,
Les singes, les scorpions, les vautours, les serpents,
Les monstres glapissants, hurlants, grognants,
Dans la ménagerie infâme de nos vices, ^{rampants,}

Il en est un plus laid, plus méchant, plus immonde !
Quoiqu'il ne pousse ni grands gestes ni grands cris,
Il ferait volontiers de la terre un débris
Et dans un bâillement avalerait le monde ;

C'est l'Ennui ! — l'œil chargé d'un pleur involontaire,
Il rêve d'échafauds en fumant son houka.
Tu le connais, lecteur, ce monstre délicat,
— Hypocrite lecteur, — mon semblable, — mon frère !

У нас в мозгу кишит рой демонов безумный,
Как бесконечный клуб змеящихся червей;
Вдохнет ли воздух грудь — уж Смерть клокочет
в ней,
Вливаясь в легкие струей незримо-шумной.

До сей поры кинжал, огонь и горький яд
Еще не вывели багрового узора;
Как по канве, по дням бессилья и позора,
Наш дух растлением до сей поры объят!

Средь чудищ лающих, рыкающих, свистящих,
Средь обезьян, пантер, голодных псов и змей,
Средь хищных коршунов, в зверинце всех
страстей,
Одно ужасней всех: в нем жестов нет грозящих,

Нет криков яростных, но странно слиты в нем
Все исступления, безумства, искушенья;
Оно весь мир отдаст, смеясь, на разрушенье,
Оно поглотит мир одним своим зевком!

То — Скука! — Облаком своей houка одета,
Она, тоскуя, ждет, чтоб эшафот возник.
Скажи, читатель лжец, мой брат и мой двойник,
Ты знал чудовище утонченное это?!

SPLEEN ET IDÉAL

I BÉNÉDICTION

Lorsque, par un décret des puissances suprêmes,
Le Poète apparaît en ce monde ennuyé,
Sa mère épouvantée et pleine de blasphèmes
Crispe ses poings vers Dieu, qui la prend en pitié :

— « Ah! que n'ai-je mis bas tout un nud de vipères,
Plutôt que de nourrir cette dérision!
Maudite soit la nuit aux plaisirs éphémères
Où mon ventre a conçu mon expiation !

« Puisque tu m'as choisie entre toutes les femmes
Pour être le dégoût de mon triste mari,
Et que je ne puis pas rejeter dans les flammes,
Comme un billet d'amour, ce monstre rabougri,

« Je ferai rejaillir ta haine qui m'accable
Sur l'instrument maudit de tes méchancetés,
Et je tordrai si bien cet arbre misérable,
Qu'il ne pourra pousser ses boutons empestés ! »

Elle ravale ainsi l'écume de sa haine,
Et, ne comprenant pas les desseins éternels,
Elle-même prépare au fond de la Géhenne
Les bûchers consacrés aux crimes maternels.

СПЛИН И ИДЕАЛ

I

БЛАГОСЛОВЕНИЕ

Лишь в мир тоскующий верховных сил веленьем
Явился вдруг поэт — не в силах слез унять,
С безумным ужасом, с мольбой, с богохуленьем
Простерла длани в высь его родная мать!

«Родила б лучше я гнездо ехидн презренных,
Чем это чудище смешное... С этих пор
Я проклиная ночь, в огне страстей мгновенных
Во мне зачавшую возмездье за позор!

Лишь мне меж женами печаль и отвращенье
В того, кого люблю, дано судьбой вдохнуть;
О, почему в огонь не смею я швырнуть,
Как страстное письмо, свое же порожденье!

Но я отмщу за все: проклятия небес
Я обращу на их орудие слепое;
Я искалечу ствол, чтобы на нем исчез
Бесследно мерзкий плод, источенный чумою!»

И не поняв того, что Высший Рок судил,
И пену ярости глотая в исступленьи,
Мать обрекла себя на вечное сожженье —
Ей материнский грех костер соорудил!

Pourtant, sous la tutelle invisible d'un Ange,
L'Enfant déshérité s'enivre de soleil,
Et dans tout ce qu'il voit et dans tout ce qu'il mange
Retrouve l'ambrosie et le nectar vermeil.

Il joue avec le vent, cause avec le nuage,
Et s'enivre en chantant du chemin de la croix ;
Et l'Esprit qui le suit dans son pèlerinage
Pleure de le voir gai comme un oiseau des bois.

Tous ceux qu'il veut aimer l'observent avec crainte,
Ou bien, s'enhardissant de sa tranquillité,
Cherchent à qui saura lui tirer une plainte,
Et font sur lui l'essai de leur férocité.

Dans le pain et le vin destinés à sa bouche
Ils mêlent de la cendre avec d'impurs crachats ;
Avec hypocrisie ils jettent ce qu'il touche,
Et s'accusent d'avoir mis leurs pieds dans ses pas.

Sa femme va criant sur les places publiques :
« Puisqu'il me trouve assez belle pour m'adorer,
Je ferai le métier des idoles antiques,
Et comme elles je veux me faire redorer ;

« Et je me soûlerai de nard, d'encens, de myrrhe,
De génuflexions, de viandes et de vins,
Pour savoir si je puis dans un cœur qui m'admire
Usurper en riant les hommages divins !

« Et, quand je m'ennuierai de ces farces impies,
Je poserai sur lui ma frêle et forte main ;
Et mes ongles, pareils aux ongles des harpies,
Sauront jusqu'à son cœur se frayer un chemin.

« Comme un tout jeune oiseau qui tremble et qui palpite,
J'arracherai ce cœur tout rouge de son sein,
Et, pour rassasier ma bête favorite,
Je le lui jetterai par terre avec dédain ! »

А между тем дитя, резвяся, расцветает;
То — Ангел осенил дитя своим крылом:
Малютка нектар пьет, амброзию вкушает
И дышит солнечным живительным лучом;

Играет с ветерком, и с тучкой речь заводит,
И с песней по пути погибели идет,
И Ангел крестный путь за ним вослед проходит,
И, щебетание услыша, слезы льет.

Дитя! Повсюду ждет тебя одно страданье;
Все изменяет вокруг, все гибнет без следа,
И каждый, злобствуя на кроткое созданье,
Пытает детский ум и сердце без стыда!

В твое вино и хлеб они золу мешают
И бешеной слюной твои уста язвят;
Они всего тебя с насмешкою лишают
И даже самый след обходят и клеймят!

Смотри, и даже та, кого ты звал своею,
Средь уличной толпы кричит, над всем глумясь:
«Он пал передо мной, восторгом пламенея;
Над ним, как древний бог, я гордо вознеслась!»

Окутана волной божественных курений,
Я вознеслась над ним, в мольбе склоненным ниц;
Я жажду от него коленопреклонений
И требую, смеясь, я жертвенных кошниц.

Когда ж прискучат мне безбожные забавы,
Я возложу, смеясь, к нему, на эту грудь
Длань страшной гарпии: когтистый и кровавый
До сердца самого она проточит путь.

И сердце, полное последних трепетаний,
Как из гнезда — птенца, из груди вырву я,
И брошу прочь, смеясь, чтоб после истязаний
С ним поиграть могла и кошечка моя!»

Vers le Ciel, où son œil voit un trône splendide,
Le Poète serein lève ses bras pieux,
Et les vastes éclairs de son esprit lucide
Lui dérobent l'aspect des peuples furieux :

— « Soyez béni, mon Dieu, qui donnez la souffrance
Comme un divin remède à nos impuretés
Et comme la meilleure et la plus pure essence
Qui prépare les forts aux saintes voluptés !

« Je sais que vous gardez une place au Poète
Dans les rangs bienheureux des saintes Légions,
Et que vous l'invitez à l'éternelle fête
Des Trônes, des Vertus, des Dominations.

« Je sais que la douleur est la noblesse unique
Où ne mordront jamais la terre et les enfers,
Et qu'il faut pour tresser ma couronne mystique
Imposer tous les temps et tous les univers.

« Mais les bijoux perdus de l'antique Palmyre,
Les métaux inconnus, les perles de la mer,
Par votre main montés, ne pourraient pas suffire
À ce beau diadème éblouissant et clair ;

« Car il ne sera fait que de pure lumière,
Puisée au foyer saint des rayons primitifs,
Et dont les yeux mortels, dans leur splendeur entière,
Ne sont que des miroirs obscurcis et plaintifs ! »

Тогда в простор небес он длани простирает —
Туда, где Вечный Трон торжественно горит;
Он полчища врагов безумных презирает,
Лучами чистыми и яркими залит:

— «Благословен Господь, даруя нам страданья,
Что грешный дух влекут божественной стезей;
Восторг вкушаю я из чаши испытанья,
Как чистый ток вина для тех, кто тверд душой!

Я ведаю, в стране священных легионов,
В селеньях Праведных, где воздыханий нет,
На вечном празднике Небесных Сил и Тронов,
Среди ликующих восседет и поэт!

Страданье — путь один в обитель славы вечной,
Туда, где адских ков, земных скорбей конец;
Из всех веков и царств Вселенной бесконечной
Я для себя сплету мистический венец!

Пред тем венцом — ничто и блеск камней Пальмиры,
И блеск еще никем не виданных камней,
Пред тем венцом — ничто и перлы, и сапфиры,
Творец, твоей рукой встревоженных морей.

И будет он сплетен из чистого сиянья
Святого очага, горящего в веках,
И смертных всех очей неверное мерцанье
Померкнет перед ним, как отблеск в зеркалах!»

II L'ALBATROS

Souvent, pour s'amuser, les hommes d'équipage
Preignent des albatros, vastes oiseaux des mers,
Qui suivent, indolents compagnons de voyage,
Le navire glissant sur les gouffres amers.

À peine les ont-ils déposés sur les planches,
Que ces rois de l'azur, maladroits et honteux,
Laissent piteusement leurs grandes ailes blanches
Comme des avirons traîner à côté d'eux.

Ce voyageur ailé, comme il est gauche et veule !
Lui, naguère si beau, qu'il est comique et laid !
L'un agace son bec avec un brûle-gueule,
L'autre mime, en boitant, l'infirme qui volait !

Le Poète est semblable au prince des nuées
Qui hante la tempête et se rit de l'archer ;
Exilé sur le sol au milieu des huées,
Ses ailes de géant l'empêchent de marcher.